

Побережников И.В.
(Екатеринбург)

Теоретические проблемы модернизационного подхода

На протяжении второй половины XX столетия историки нечасто продуцировали собственно «исторические» теории. Примеры последних крайне немногочисленны (теория трех уровней исторических изменений Ф. Броделя; теория детства раннего Нового времени Ф. Арьеса; «долгое Средневековье» Ж. Ле Гоффа; «церемониалистский» подход, заложенный в книге Э. Канторовича «Два тела короля» и т.д.). Создавая крупные концептуальные работы, историки обыкновенно решали проблему методологического обновления, обращаясь к теориям разных социальных и гуманитарных наук (позднее этот процесс получил название «стратегия присвоения»). Чаще всего для анализа прошлой социальной реальности использовались теории разного уровня, которые были созданы в социологии, экономической теории, политологии, психологии, географии, культурной антропологии и др.

Одним из теоретических подходов, получивших широкое распространение в исторических исследованиях, стал модернизационный анализ, заимствованный – в первую очередь – из социологии.

Широкие исторические трансформации (которые не ограничиваясь лишь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации самих этих параметров, к изменению способов организации общества), составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие как становление человека, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др., всегда привлекали внимание исследователей. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации. Модернизация – протяженный, охватывающий несколько столетий исторический процесс, в ходе которого люди совершали переход от традиционного, преимущественно аграрного общества (данное общество функционировало на основе традиций; люди добывали пропитание так, как это делали их отцы и деды; традиционные регулятивы играли огромную роль в организации общественной и частной жизни) к современному, индустриальному обществу.

Модернизационная перспектива как раз и призвана в первую очередь решать проблемы, связанные с объяснением перехода от традиционного, аграрного к индустриальному, современному обществу. Данные проблемы сохраняет свою актуальность для значительной части стран и народов, населяющих современную планету; значима данная проблема и

для России, которая осуществляет сегодня грандиозную трансформацию, призванную завершить постройку современного общества. Вероятно, проблема модернизации сохраняет определенную значимость и для наиболее развитых обществ мира, в которых индустриальный сектор экономики по-прежнему играет немаловажную роль.

Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т.д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть теоретическую значимость модернизационного направления, плодотворность его использования для объяснения механизмов широких исторических процессов.

При этом понятие модернизация сегодня употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого исторического процесса перехода от традиционности к современности; для характеристики преобразований, совершенствований, которые осуществляются в современных современных обществах; для объяснения усилий, предпринимаемых странами Третьего мира с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Необходимо обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в рамках модернизационного направления. Модернизационная школа возникла в 1960—1970-е гг. (работы М. Леви, С. Блэка, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, У. Ростоу, Д. Лернера, Д. Эптера и др. авторов). Однако данная теория не оставалась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее развитие теории модернизации было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук.

На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом. В частности, для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации, получила признание идея многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста.

Указанные теоретические инновации заставили по новому взглянуть на такие приписываемые изначально модернизации характеристики, как не-

обратимость, прогрессивность, протяженность и эволюционность, гомогенизирующий эффект.

Так, С. Дьюб критически оценивает приписывание процессу модернизации параметра глобальности. Исследователь справедливо пишет, что, несмотря на широкую диффузию, блага модернизации по-прежнему недоступны для значительной части населения земного шара. Он сомневается в возможности реализации идеала равномерной модернизации в глобальном масштабе. Пользуясь метафорой Э. Тоффлера, он пишет, что в то время как небольшая часть человечества движется от «второй волны» к «третьей», две трети его все еще вынуждены оставаться частью «первой волны». Аспект гомогенизации также, по мнению С. Дьюба, вызывает вопросы. Он противопоставляет ставшему привычным описанию современного мира как «большой деревни» рост национализма и многообразие культурного сознания, указывает на политику супердержав, водоворот напряженности и конфликтов, в которые погружены развивающиеся страны, как на препятствия на пути к глобальной гомогенизации. Рост фундаментализма и контрмодернизационных идеологий во многих обществах ставит, по мнению С. Дьюба, под сомнение такую характеристику модернизации, как необратимость. Наблюдающийся рост индивидуальной отчужденности и социальной аномии, дисфункциональности множества социальных институтов, насилия, ослабление нормативной структуры общества превращают в дискуссионную и такую характеристику модернизации, как ее прогрессивность (1).

Использование модернизационной парадигмы в качестве познавательной модели ставит ряд проблем. Одна из них может быть сформулирована как системность VS односторонность. Классическая версия модернизационной перспективы исходила из того, что модернизация — комплексный и системный процесс инновационных изменений фактически во всех областях человеческой мысли, поведения, общественного устройства. Системность предполагала соотнесение и взаимосвязь изменения одной из движущих сил модернизации с прочими факторами. Атрибуты модернизации, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, формируют связанное целое, появляясь скорее в кластерах, нежели в изоляции; как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает соответствующие изменения в других сферах; взаимосвязанные изменения происходят более-менее одновременно; трансформация одной из общественных подсистем должна стимулировать адекватные преобразования других подсистем, что в конце концов резюмируется в общем ходе эволюции общества. Сама эволюция в данном теоретическом контексте дирижируется некими объективными, не зависящими от человека, детерминантами, в которые вложена своеобразная цель — более высокий уровень общественного развития.

Между тем, вряд ли есть основания рассматривать модернизацию как телеологическую эволюцию. Исторический процесс осуществляется как кон-

струирование социальных отношений в пространстве и времени в результате интеракции между структурной детерминантностью и индивидуальной волей. Объясняемая объективность — не отражает его содержания во всей полноте. Поддающееся пониманию волеизъявление индивидуальных агентов, способных трансформировать социальную структуру, — также неотъемлемая составляющая исторического процесса. Данное обстоятельство объясняет существование проблем методологического характера относительно характера связей между социальными, экономическими, демографическими, политическими и прочими переменными. Например, проблемой является установление характера причинной зависимости между экономическими и социальными изменениями (которые в каком-то смысле являются «объективными») и политическими сдвигами, которые обычно являются результатом сознательных человеческих усилий и проявлением свободы воли. Взаимоотношения между макро-социальноэкономическими изменениями и макрополитическими сдвигами опосредуются микро-изменениями на уровне установок, ценностей, поведения индивидов. Участие произвольной компоненты (деятельность) в организации исторического процесса существенно увеличивает риски эскалации несистемности модернизационных сдвигов. «Объемы» сдвигов в различных областях — величины не скалярные, а векторные, и они вступают в резонанс лишь в том случае, если направления их действия совпадают.

В действительности системные сдвиги осуществляются далеко не всегда (можно вспомнить афоризм Станислава Ежи Леца «в действительности все не так, как на самом деле»). По мнению Э. Тириакаяна, модернизация вообще не может интерпретироваться как единый процесс системной трансформации; в конкретном обществе отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; другие группы делают это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; наконец, отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, которые имеют доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства) (2).

Историческая конкретика предоставляет множество примеров, когда модернизационные изменения в одной из социальных сфер не вызывают адекватных трансформаций в общественном теле *in concreto*, или когда адекватные реакции настолько запаздывают (временной лаг может достигать как десятилетий, так и столетий), что вопрос о системности модернизации просто теряет смысл. Динамика развития стран т. н. «догоняющей» модернизации — это непрерывный процесс односторонних, однобоких трансформаций или реакций, далеко не соответствующих стандартам модернизации. Можно вспомнить такие механизмы мобилизации населения в имперской и советской России как крепостничество, отработочная система, принудительный

труд в условиях социализма, который квалифицируется некоторыми авторами как «неофеодализм».

Изучение роли образования в ходе модернизации в странах Третьего мира дает многочисленные примеры несоответствия образовательных институтов и их функционирования импульсам модернизации, которое может длиться достаточно долго и в перспективе приводить к сбоям модернизации: непропорциональное распределение ограниченных ресурсов между сферой образования и прочими подсистемами общества; несоответствие качества и профиля подготовки, количества выпускаемых специалистов потребностям национальной экономики и в целом общества; противоречия между характером и ценностными установками системы образования, с одной стороны, и общественными потребностями, с другой стороны (например, ориентация учащихся и специалистов на ценностные установки иной страны, не соответствующие актуальным проблемам внутреннего развития); уродливое воздействие образовательного фактора на распределение доходов, приводящее к воспроизведению и даже росту неравенства и абсолютного обнищания; стимулирование миграции населения из деревни в город, приводящее к росту городской безработицы; «утечка умов» из бедных в богатые страны; несоответствия и противоречия между субкультурой и идеологией образовательных институтов и общенациональной культурой (например, космополитизм высших учебных заведений VS национализм как идеология модернизации во многих развивающихся странах) (3).

Следующая проблема касается соотношения эндогенных и экзогенных аспектов развития. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Классическая модернизационная парадигма отводила незначительное место проблемам международного порядка, интер-социальных взаимоотношений, «динамики сопоставлений различных обществ», ее исследовательский фокус был направлен в первую очередь на внутренние, эндогенные факторы модернизации. В орбиту внимания представителей ранней школы модернизации практически не входили международные аспекты национализма и национальной идентичности. Немногие авторы пытались исправить этот недостаток (4).

Между тем, экзогенные аспекты невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то, что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым — модернистским — функциям. Конкретно-исторические исследования показали, что широкое распространение индустриализации (перенос технологий, организационных систем) во многом обязано именно экзогенным аспектам, в частности диффузии, а не внутреннему независимому процессу социальных изобретений

(5). Общеизвестна существенная роль диффузии, импорта институтов в ходе петровской модернизации в России и мэйдзийской — в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

При этом Д. Уэстни считает, что мэйдзийская Япония являлась лишь примечательным примером исторически гораздо более распространенного явления. Она утверждает, что фактически все общества, по крайней мере, все нации-государства с конца XVIII и начала XIX вв. широко копировали «организационные формы» в других обществах. По мнению Д. Уэстни, межсоциетальное подражание («cross-societal emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере) и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции» (6).

Реализация на практике (в странах Третьего мира) программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Помимо «внутренних» барьеров, существовали и «внешние». Дело в том, что осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации» или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья, были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры. Недооценка представителями модернизационной перспективы этого международного экзогенного контекста стала основной причиной острой критики со стороны ученых, разделявших представления миросистемной школы и теории зависимости.

Несомненно стимулирующее воздействие внешних факторов (изматывающая конкуренция между социалистическим и капиталистическим лагерем; сопоставление советскими людьми жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира; целенаправленная политика США на подрыв могущества СССР; импорт зарубежного институционального и политического опыта; неэквивалентный обмен ресурсами с зарубежьем) на процессы грандиозных трансформаций, приведших к распаду СССР и формированию нового социально-политического порядка на постсоветском пространстве.

В 1990-е гг., после окончания холодной войны, ученые в полной мере стали осознавать значение кросс-социетальной коммуникации, межрегиональных, кросс-социетальных и кросс-коммунальных заимствований (7). Р. Робертсон, опираясь на понятие “селективной восприимчивости” (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами), разрабатывает свой концепт “селективной инкорпорации”, которым предлагает дополнить “межсоциетальное подражание” Д. Уэстни. Как считает Р. Робертсон, именно подражание и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Он вводит в научный оборот еще одно понятие — “сравнительная динамика” — для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно “сравнительная динамика”, считает Р. Робертсон, дает преимущественно отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. Вообще, по мнению Р. Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р. Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д. (8).

В целом современная модернизационная школа уделяет большее, чем прежде, внимание экзогенным, международным, факторам; учеными не отрицается существенная роль, которую они играют в модификации процессов развития. Однако, как нам представляется, экзогенной переменной должен быть придан равноправный теоретический статус, наряду с эндогенными переменными, и она должна быть интегрирована в теоретическую модель, взаимоувязана с прочими переменными.

Третья проблема может быть сформулирована как дихотомичность VS непрерывность. Представители классической модернизационной перспективы исходят из жесткого противопоставления «традиционности» и «современности», традиционных и современных обществ. Однако, многочисленные исследования историков, антропологов, экономистов убеждают в необос-

нованности подобного дихотомического ригоризма. Доказано, что, с одной стороны, многие модернистские институты и ценности зарождаются в традиционном контексте, а, с другой стороны, традиционность, интегрируясь в модернизационный процесс, обеспечивает его стабильное протекание и эффективность. Современные ученые уже не рассматривают традицию и современность как взаимоисключающие концепты; в исследованиях последнего времени традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой; ученые обнаружили запутанный клубок взаимоотношений между традицией и современностью. Вместо прежнего третирувания традиций как препятствий для модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Модернизационные траектории различных обществ, как это показали проведенные эмпирические и компаративные исследования, в большинстве случаев конгруэнтны своим традиционным социокультурным и институциональным наследиям. Концепция «зависимости от пути развития», разработанная в рамках экономической теории, акцентирует внимание на этой особенности исторического процесса. В свете вышесказанного представляется научно оправданным и перспективным, наряду с дихотомическим разведением традиционности и современности, рассмотрение процесса модернизации как непрерывного, преемственно связанного.

Активное освоение модернизационной макротeorии отечественными обществоведами началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. Интерес к модернизационной парадигме во многом объяснялся возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической и экономической трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х гг. Теория модернизация казалась более прагматической и более «осязаемой» при соотнесении ее с современными российскими реалиями в сравнении с другими влиятельными макротeorиями — общественно-экономических формаций и цивилизаций (9). В отечественном формате модернизационный подход сохранил свой полидисциплинарный характер, проникнув в российскую социально-философскую, экономическую, политологическую, историческую литературу. Опубликовано уже немало работ, в которых даются обзоры теорий и концепций модернизации зарубежных авторов; модернизационный подход применяется с целью объяснения российского исторического процесса (10).

Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель», модели «консервативной», «рецидивизирующей» модернизации, «псевдомодернизации», «контрмодернизации», «деархаизации» и т.д.); доказывается волнообразный, циклический характер российских модернизаций; получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздейст-

вия политики модернизации на отдельные периоды российской истории, пространственно-региональные аспекты модернизации, трансформации функций модернизации в условиях глобализации и т.д. (11).

Широкое распространение получили оценки российской модернизации как не органичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Исследователи российской модернизации отмечают, что ритмы модернизационных субпроцессов в технико-технологической, хозяйственно-экономической, политико-правовой, социокультурной и других сферах не были синхронными; задавались они как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями (в том числе за счет сложных взаимодействий между ними). Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура.

Достаточно широко отечественными исследователями применяется модернизационный подход при изучении стран Востока, развивающихся стран (12).

При этом наиболее востребованными оказались модернизационные исследования классической поры, выполненные преимущественно в 1960-е гг. Чаще всего цитируются авторы того периода – С. Блэк, Д. Лернер, М. Леви, Д. Эптер, Ш. Эйзенштадт и др., – создавшие работы на основе использования эволюционистских и функционалистских постулатов, позднее подвергнутых критике. Гораздо меньшее внимание уделяется работам более позднего периода, методология которых подверглась существенному обновлению. Данное обстоятельство актуализирует обращение к теоретико-методологическим проблемам модернизационной перспективы.

1. Dube S.C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokyo, London, 1988. P. 4—5.
2. Tiryakian E. *Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P. 255.
3. Тодаро М.П. *Экономическое развитие*. М., 1997. С. 348–353; Shils E. *Modernization and Higher Education* // *Modernization: The Dynamics of Growth*. New York, London: Basic Books Inc., 1966. P. 83–97.
4. Nettl J.P., Robertson R. *International Systems and the Modernization of Societies: The Formation of National Goals and Attitudes*. New York: Basic Books, 1968.
5. См.: Vago S. *Social Change*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 134.
6. Westney D.E. *Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
7. Robertson R. *Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization...* P. 218.
8. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications, 1992; Idem. *Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and*

Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization... P. 216—218, 226—231.

9. Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. №4. С. 127.

10. Определенные историографические итоги в этом плане подведены в недавно опубликованной статье Н.А. Проскуряковой. См.: Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. №7. С. 153—165.

11. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. №5; Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 27—33; Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004; Зарубина Н.Н. Самобытный вариант модернизации // Социс. 1995. №3; Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. №7. С. 40—56; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1—2; Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Модернизация и национальная культура. М., 1995; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М., 2000; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. №2. С. 39—51; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000; Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. №3; Он же. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194—207; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. №7. С. 3—39; Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России.

Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998; Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах-2001. М., 2003. С. 9—55, 130—180; Сенявский А.С. Урбанизация России в веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; Он же. Индустриальная модернизация, урбанизация и демографические процессы в России в XX веке: соотношение и взаимосвязи // Индустриальное наследие... С. 398—406; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века... ; Он же. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3—18; Он же. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.; СПб., 2004; Урал в контексте российской модернизации. Сборник статей. Челябинск, 2005; Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. Вып. 5—6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Она же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. №4. С. 3—27; Она же. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. №12. С. 3—21; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

12. Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 2. С. 41—56; Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997; Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV—XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). М., 1991; Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 4. С. 25—37; Окунева Л.С. На путях модернизации: Опыт Бразилии для России. М., 1992; Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997; Старостин Б. Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1989.

Рыбаков С.В.
(Екатеринбург)

Российская цивилизация в системе исторических знаний

В настоящее время российская историография находится в состоянии методологической аморфности и неопределённости. Это отражает ситуацию, при которой среди одной части историков продолжают концептуальные поиски, а среди другой преобладает методологический индифферентизм или нежелание «встраивать» эмпирический материал в какую-либо определённую концептуальную логику. Узкая специализация, характеризующая нынешнюю историческую науку, далеко не всегда побуждает исследователей обращаться к методологической проблематике. Как отмечает